

который однако въ гнѣвной своей выходкѣ неудачно изобразилъ Марину; она не *вилась*, не *ползла*, и не *скользила изъ рукъ*

При совершенствахъ внутреннихъ, при связности представлений, при быстротѣ дѣйствія, — внѣшніе недосмазки, которые впрочемъ у Г. Пушкина не часто встрѣчаются, бывающіе не совсѣмъ замѣшны; но здѣсь они, оставаясь какъ бы безъ защиты, слишкомъ явно выказываются, такъ, что трудно вѣрнѣе, чѣмъ довершишель преобразования нашего стихотворнаго языка могъ произвести такіе стихи:

Стыдишься ты не — Княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ (?) теперь моя судьба,
Рѣши: я жду! (бросается на колѣни).

МАРИНА.

Встань, бѣдный Самозванецъ.
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки доврчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чѣмъ бѣлаго монаха“

Но въ какомъ отношеніи сія сцена къ ходу Драмы? — Она * вполне изображаетъ характеръ Марины; и сіе-то маловажное назначеніе — изображеніе лица, ни какими

узами несвязаннаго съ Борисомъ — столь долгаго и столь ошибочнаго во всѣхъ отношеніяхъ эпизода, еще болѣе усиливаетъ не-пріятное чувствованіе, рождающееся при чтеніи онаго.

(Окончаніе впродѣ.)

III.

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУСТВО.

О цѣлебной силѣ природы въ человѣкѣ (*).

Я не могу иначе благосклонному чина-телю составивъ понятіе о той силѣ тѣла нашего, которую врачи называютъ цѣлебною, какъ только указывая и разбирая ея дѣйствія и явленія. Она (но не пластыри и мази), съ *приблѣнною правильностію*, обширную

(*) Авторъ *Разговора о Гомеопатіи*, осмѣлившись ближе разсмотрѣть слѣдующее мнѣніе объ оной, помѣщенное въ Журн. Минисп. Внутр. Дѣлъ 1830 г. кн. II, стр. 204 „что большая часть деревенскихъ жилищей, а можетъ быть $\frac{3}{4}$ всѣхъ обитателей пространнаго Россійскаго Государства, лечится гомеопатически, и, какъ кажется, не

рану на шѣлѣ выполняешъ алою плотью и, сближая края, заживляешъ оную; она съ *обдуманною заботливостію* облекаешъ гноемъ напр. пулю, оставшуюся въ шѣлѣ, дабы предохранить рану отъ сильнаго раздраженія, и приуготовивши какъ пушъ, такъ и самую пулю къ легчайшему извлеченію; она съ *благонамеренною распорядительностію*, въ гангренѣ означаетъ демаркаціонную линію (предѣлъ, гдѣ кончился она), и отдѣляетъ помершвѣвшія части; въ порчѣ же кости, отсоединяешъ и иногда раздробляешъ отспаившій отъ одной кусокъ; она также съ *удивительнымъ искусствомъ* спаиваешъ концы переломленной кости — словомъ, Хирургія представляетъ намъ невозможныя случаи поврежденія шѣла нашего и различные примѣры излеченія оныхъ, и вмѣстѣ убѣждаетъ насъ въ *непостижимомъ искусствѣ, дѣятельности и могуществѣ* цѣлебной силы.

Ея таинственной прозорливости приписываеше у простудившагося лихорадку (лег-

всегда безъ успѣха, ш. е. большая ихъ часть не принимаютъ вовсе никакихъ лекарствъ, но не смотря на сіе, конечно многіе выздоравливають,“ — рѣшился написать для Профановъ Медицины статью: о цѣлебной силѣ природы, на которой основываются оное мнѣніе, а равно и мои сужденія объ немъ.

кая борьба съ болѣзнетворною причиною); ея *точности въ порядкѣ* — на седьмой день переломъ (благополучное окончаніе борьбы). Отъ ея *непроницаемой расчетливости и дальновидности* зависить, что она, въ горячкахъ, ввергаетъ спраждающаго въ опчальное изнеможеніе, даже въ безчувствіе (дабы, какъ кажется, безмятежно, съ болѣею върностію распорядиться и дѣйствовать), и уже на 14 день болѣзни совершаешъ многотрудный свой подвигъ — переломъ. Изъ *попечительной неизбѣжности* у подагрика, по видимому, безъ жалости поражаетъ она жесточайшими болями большой палецъ ноги, дабы шѣлѣ освободить шѣло его отъ зловреднаго вещества, въ немъ гнѣздившагося. Даже, допуская произрожденіе мочевого камня, рака, язвъ, дозволяетъ развиться и укорениться разнымъ мучительнымъ, неизлечимымъ недугамъ единственно изъ *предусмотрительной крайности* и стремленія къ главнѣйшей цѣли — продлить, не смотря на жестокость мѣръ, наше бытіе, достигая сего шѣлѣ, что она, подвергая спраданію одну часть шѣла, спасаетъ весь организмъ отъ быстрого, неминуемаго распротрѣсыва и разрушенія.

Повѣрьте, что это она спохондрика, часто самовольно распротрѣсывающаго свое здоровье, естественнѣе превозмощитъ и понуж-

даешь заботишься объ ономъ, или лучше ска-
зашь, по тѣмъ, по другимъ нападкамъ на-
поминаешь ему перемѣнить безупрочный по-
рядокъ жизни, навыки, приспособія. Она
также, удручая многоразличными болезнен-
ными ощущеніями спирающую спазмами,
настойчиво пребудешь перестать рабо-
тоспособность спрашивать и приходить, же-
сточайшимъ врагамъ здоровья — но внимая
гласу разсудка и природы, слѣдовать ихъ
внушеніямъ. И потому для вящаго впечат-
лѣнія, у обоихъ, самопроизвольно болѣю-
щихъ, во время жесточайшихъ припадковъ,
не отрицаешь способности чувствовать
спраданія. Совсѣмъ иначе поступаешь съ
поражаемымъ ею падучею немочию: она, по-
вергая мучающагося судорогами въ безчувствіе,
спараешь по крайней мѣрѣ щадить его со
спороны ощущенія, и соболѣзнующаго надъ
несчастливымъ и упрекающаго природу въ лю-
пости, желаешь вразумить и оправдать мѣ-
ры свои тѣмъ, что она, изъ необходимости,
по временамъ должна съ ожесточеніемъ во-
оружаться противъ кроющейся въ тѣлѣ
болѣзнетворной причины, и тѣмъ, если не
уничтожать, то по крайней мѣрѣ до поры
прищиплять оспроту ея дѣйствія.

Если цѣлебная сила успѣваетъ востор-
жествовать надъ вредоносными причинами,

то она, спасши жизнь, разливаешь неизъяс-
нимое удовольствіе у освободившагося отъ
опаснаго недуга, какъ бы для того, чтобы
сильнѣе впечатлѣть цѣну здоровья и необхо-
димость сохраненія того, что милѣе и нуж-
нѣе всего въ нашей жизни. Но если она ви-
дѣшь свою слабость и невозможность пре-
одолѣть болѣзнетворныя причины, то шани-
ственнымъ гласомъ предувѣдомляешь болѣю-
щаго о необходимости поддаться велѣніямъ
рока; и это огласокъ ея словъ: нѣтъ —
мнѣ не перенесъ болѣзни, мнѣ приходится
умереть.

Одна цѣлебная сила, своею дѣятельно-
стію, могуществомъ, прошивостопишь и опи-
раешь многочисленныя, многообразныя вре-
доносныя причины, посягающія на наше су-
ществованіе. Вообразите ихъ извнѣ грозя-
щихъ намъ и устремляющихся на наше здо-
ровье (всѣ спихи); вообразите ихъ внутрь
насъ возстающихъ и обуревающихъ тѣло
наше (всѣ спраши)! И потому-то она обя-
зана всякое мгновеніе спорозитъ первѣйшее
наше благо, и употреблять всѣ возможныя
мѣры къ сохраненію онаго. Вопь потому
она вдающихся въ разврасть, распустиство,
невоздержаніе, извѣженность, иногда медлен-
но, иногда шибко, но всегда вѣрно распрок-
вающія наше здоровье, то напоминаешь по-

средствомъ совѣсти, то наказуешь удрученіями духа и тѣла, не переставая однако жъ усиливаясь, хотя до поры, уничтожаясь, либо ослабляясь наспушившія въ ономъ гибельныя слѣдствія пороковъ. Не можетъ она постоянно выдерживать чрезмѣрные напряженія тѣлесныя, и должна наконецъ испощаться; но нѣтъ сомнѣній, что она, какъ бы зная требованія произвольной необходимости, и снисходилъ онымъ, попечительнѣе и могущественнѣе дѣйствуетъ у тѣхъ, кои должны переносить непрерывныя труды, выполнятъ тяжкія работы, выдерживаютъ вліяніе стихій — и можно рѣшительно сказать, что съ усугубленіемъ усилій тѣлесныхъ, и она усугубляетъ благотворную свою дѣятельность. Но опытнось ясно говоритъ, что, дабы она въ состояніи была всегда дѣйствовать рѣшительно, мощно и вѣрно, необходимо потребны къ тому не только внѣшнія, сколько внутреннія благопріятныя условія, — и преимущественно состояніе нашего духа, съ коимъ, безъ сомнѣній, соотноситъ она въ существенной связи — и даже внѣшней сходство. И потому - то во всѣхъ ея предпріятіяхъ видимо дѣятельно соучаствуетъ, споспѣшествуетъ духъ, воскреляемый веселостію и самодовольствіемъ, управляемый въ пареніяхъ благоразуміемъ и поддерживаемый

добродѣтелями, копорый, такъ сказать, восхищаетъ съ собою цѣлебную силу и доставляетъ ей полную свободу и возможность прямо стремиться къ своей цѣли (какъ при попутномъ вѣтрѣ въ Океанѣ корабль). Повѣрьте, что я ни словъ, ни выраженій не нахожу, для удостовѣренія васъ въ томъ, въ чемъ насъ, врачей, практика ежедневно и очевидно убѣждаетъ: бурныя и длительныя смятенія духа, какъ то: страхъ, горесны, уныніе, отчаяніе и тому подобныя, по произволу и въ мгновеніе ока возобновляющіяся и проникающія во всѣ наши внутренности, а съ переходомъ въ привычку и какую-то необходимость, непрерывно превращая мрачными, незъяснимо-упоминательными раздумьями, докучающія поскливыми, несносными ощущеніями, неизвѣрно обуреваютъ и ослабляютъ благотворную дѣятельность цѣлебной силы, уклоняютъ и переначиваютъ благотѣтельныя ея дѣйствія. И сколько разъ она принуждена бываетъ преждевременно бороться съ оными неутомимыми внутренними неприятелими здоровья, и безъ всякой существенной нужды и пользы испощаться и слабѣть, — и наконецъ должна, въ случаѣ дѣйствительнаго впорженія въ тѣло наше болезнетворныхъ причинъ, въ разоборствѣ съ ними изнемогать!

Если здоровье начинается въ самомъ дѣлѣ распроставаться, то она, какъ бы желая насъ исподоволь приуготовить, заблаговременно превожными предчувствіями, возникающею, безъ явнаго повода, тихою, кручиною, (даже сновидѣніями), даетъ намъ знать о предстоящей необходимости, взявшись за важное дѣло — возстановленіе поколебленнаго здоровья. Начиная дѣйствовать рѣшительно, и предусматривая все съ свойственною ей дальновидностію, она, въ семъ крипическомъ предпріятіи, взываетъ къ дѣятельному соучастію умъ и разумокъ нашъ, внушаетъ намъ слушать ихъ опзывы и не подчиняться неопвязчивымъ приходамъ и приспрасціямъ, возбуждаетъ въ насъ заботливостъ, таинственно указываетъ намъ средства и способы, нужныя къ поддержанію и усугубленію благошворныхъ ея дѣйствій; — въ опасномъ случаѣ понуждаетъ насъ искать помощи, особенно у тѣхъ, кои приобрѣли опытностію знаніе, и питаютъ къ нимъ довѣріе, уговариваетъ имѣть упованіе на Всемогущаго, опраду и утѣшеніе въ Вѣрѣ, вооружиться перцвнѣемъ, и памятовать, что на все требуенся время, и что мѣры благодѣтельной природы, хотя пляжки, но мощны и спасительны; — въ крайности, она, объясняясь чрезъ шомные взоры наши и умильное лице, без-

молвно выражаетъ свое изнеможеніе, неизбѣжность опасности, необходимость скорой помощи внѣшней; — въ опчаянномъ положеніи, она, утишая бурное волненіе организма нашего, успокоивая смяшеніе силъ онаго, постепенно усыпляетъ чувствованія и самопознаніе наше, и приводя до какого-то несповѣдимо довольнаго забытія самого себя, — непримѣтно приуготовляетъ тѣло наше къ предопредѣленной правосуднымъ Промысломъ Божиимъ разлукѣ съ душею.

Не распроставаясь въ поясненіи косвенныхъ ея дѣйствій, наприм. врожденной нашей заботливости о жизни и здоровьи, спрахъ и ужасъ при наступленіи повальныхъ болѣзней, склонности и охотѣ судить объ недугахъ, трепетъ и тоскъ во внезапныхъ опасностяхъ, содроганіи при внезапной встрѣчѣ съ оными, мимовольномъ управленіи членами, при паденіи, защищеніи, и т. д., и т. д., — скажу, что сей силъ Всевышнимъ повелѣно, по непреложнымъ и ей только существенно извѣстнымъ законамъ, блюсти и сохранять совершеннѣйшее Его созданіе — предопредѣленное Имъ къ превыспреннѣйшей и важнѣйшей во вселенной цѣли — изящнѣйшій организмъ человека по истинѣ сущій образчикъ всего мірозданія. Созерцая важность и необходимость сего назначенія, и по сообра-

живіямъ нашего разсудка выходитьъ, что не чему иному, какъ такой уполномоченной всеблагимъ Промысломъ силѣ слѣдовало съ надежною довѣренностію поручить цѣлость — впрочемъ брэннаго нашего тѣла — составляющаго само по себѣ многосложнѣйшій міръ — и сосполящаго съ механизмомъ всея вселенныя въ существенной связи — и, какъ звѣно въ ономъ, часпъ всего вещеспва — зависимости.

И что же было бы съ нашимъ здоровьемъ и жизнию, если бѣ оно оставлено было на произволь случайностей; если бѣ вредности и болѣзненсныя причины безпрещашпенно выпоргались въ наше тѣло, безъ усмиренія буйспивовали и несповспивовали? если бѣ настоящая обязанность цѣлебной силы возложена была на волю и разсудокъ нашъ? если бы оную выполняли они только по своимъ соображеніямъ, и если бы ими опыскиваемыми и употребляемыми средствами и способами сохранялась жизнь и возспановлялось здоровье? Вопшь тогда бы, по всей справедливости, слѣдовало намъ сътовашъ, грустпшь, ошчалвашься при наступленіи и развитіи болѣзней. Но всеблагое, всемогущее, всесправедное Провидѣніе все нужное, необходимое для нашего бытія, предвидѣло, распорядило, успроило и упрочило. И такъ цѣлебная сила, одна соопвѣтспвеннѣй-

шая временному нашему на землп существованію, одна снабжена для сей цѣли доспапачными свойспвами (какъ явспвуешь изъ ея дѣйспвій), одна существенно вѣдаетъ время и порядокъ, средства и способы воздвпгашъ разспроившееся здоровье; въ основныхъ же своихъ дѣйспвіяхъ, руководспвуется *одними* непременными законами и, безъ всякаго сомнѣнія, въ сущности простыми. Слѣдовашельно она, въ *одной и той же* цѣли, во всемъ родѣ человѣческомъ постушаетъ однообразно. Вопшь почему и *одна* изъ обыкновеннѣйшихъ мѣръ, употребляемыхъ природою во всѣхъ человѣческихъ племенахъ и во всѣхъ состояніяхъ въ общештіи: если произошли безпорядки (напр. ошъ простуды) въ тѣлѣ, то цѣлебная сила, для возспановленія въ ономъ порядка (въ опправленіи испарины), должна произвеспи въ тѣлѣ перемѣны и перевороны (лихорадку), которыя соупспвуются болѣзненными ошущеніями (ознобъ, жаръ, жажда и ш. д.) и явленіями (красное лице, сухость языка, неспокойный сонъ и ш. д.), которыя обнаружпваютъ дѣяшельность цѣлебной силы (проптивъ задержанной испарины), кончащей свой процессъ въ определенное время (на 7 день) шѣмъ, что появляюща крпшпческія изверженія (пощь). Изъ сего явспвуешь, что для возспановленія нарушеннаго здоровья, нужна

болѣзнь: — слѣдовательно болѣзнь — въ спро-
гомъ и существенномъ смыслѣ — есть пер-
вое, основное цѣлебное средство природы —
по нашему обыкновенному выраженію — ле-
карство; и это аксіома.

Конечно, такое благовидное понятіе
о болѣзни, равно какъ и то, что природа,
не взирая на наши сираданія и мученія, и
не внемля воплямъ и стонамъ нашимъ, упо-
требляетъ споль жестока мѣры къ дости-
женію желанной благошворной цѣли, пока-
жется страннѣмъ и неудобопонятнѣмъ; но
не смотря на невозможность проникнуть
въ таковую сокровенную необходимость, по
вѣрно, что цѣлебная сила, во всѣхъ своихъ
усиліяхъ и процессахъ, дѣйствуетъ неослаб-
но, рѣшительно, и поступаетъ основатель-
но, благонамѣренно. Она одинаково зани-
мается важнымъ своимъ предпріятіемъ —
уничтоженіемъ дѣйствій болѣзневсворныхъ
причинъ и ихъ произведеній — какъ въ пе-
ремежающихся и простудныхъ лихорадкахъ,
такъ и въ чумныхъ, гнилыхъ и нервныхъ го-
рячкахъ, съ тою только разницею, что въ
первыхъ она опличается правильною и по-
степенною дѣятельностію, въ послѣднихъ
выказывается быспрою, рѣшительною и
суеплявою. Во всѣхъ случаяхъ, если она успѣ-
ваетъ въ своихъ операціяхъ, то вопреки не-

благопріятнымъ обстоятельствомъ, очевид-
нымъ опасностямъ, она испоргаетъ, какъ гово-
рился, изъ челюстей смерти, и не оставляетъ
на произволь судьбы; въ прошивномъ случаѣ,
вопреки усиліямъ искусства и стараній, ко-
нецъ жизни неизбеженъ. И потому-то осно-
вательно говорятъ: предоставишь болѣзнь
нашуръ; надежда еще на нашуру; нѣтъ, и
нашура уже не дѣйствуетъ.

12 Октября.

П — фв.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Весенній въперокъ! о сколь ты сладко вѣешь!
Своей цѣлбною, небесной теплотой
Ты охладѣвшее отъ бурь мнѣ сердце грѣешь,
И оживляешь духъ отпradoй неземной!

* * *

Съ дыханіемъ своимъ душѣ моей явилась
Подруга юности, волшебная мечта:
Картина прежняго въ умѣ возобновилась!
Воскреснули давно погибшія лѣта!

* * *